

О.В. КИМ

ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ И ПЕРЕХОДНЫЕ ОБЩЕСТВА РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

В исторических исследованиях раннее Новое время (РНВ) представлено в основном как эпоха “моделей развития” (в духе “вызов” – “ответ”), нередко – как переходная эпоха. С тем, что “в Западной Европе XVI–XVIII вв. произошли качественные перемены”, согласны все, но далеко не все разделяют *парадигму эволюционного перехода*. В ряде естественнонаучных и гуманитарных теорий описывается динамика сложноорганизованных систем как *революционная*, когда они изменяют состояния быстро, катастрофически проходя через точки или каскады бифуркации. Это означает, что общество и культура долго производят, заимствуют, адаптируют и накапливают инновации, количественные изменения. Парадигмы существования остаются неизменными до наступления “катастрофы”. В период катастроф развитие новых элементов носит взрывной характер, “старый порядок” как целостность исчезает, складываются новое общество и цивилизация.

Так описывается макроисторическая динамика в детерминистских теориях исторического процесса. В формационной парадигме Средневековье отделено от Нового времени социальными, “буржуазными” революциями. Они стали инструментами формационного перехода от определенно феодального этапа к определенно капиталистическому. В многофакторных моделях акцент с социальной революции может быть перенесен на военную революцию, технологический переворот, демографический переход. Но переходные периоды здесь отмечаются скорее внутри интерциклов развития, чем между макроисторическими эпохами¹. Надлом цивилизации, описанный А.Дж. Тойнби, носит катастрофический характер. Стагнирующая, утратившая порыв и способность к самодетерминации цивилизация гибнет под ударами внешнего и внутреннего пролетариата – ее наследники заимствуют ряд матриц, но существовать последние будут в совершенно ином теле². И, наконец, период XVI–XVIII вв. оспаривается медиевистами и новистами как “преимущественно их” время на серьезных основаниях с обеих сторон. Говоря о факторах развития общества РНВ, сторонники концепции “Старого порядка” более доверяют “технологической цепочке” фундаментальных открытий и новациям в сфере культуры, чем моделям макроисторической динамики в духе “Перехода”³.

Кому “нужно” раннее Новое время? Идея особого периода между Средневековьем и Новым временем востребована там, где историки хотят показать комплексный процесс исторической *эволюции*. Раннее – потому что это доиндустриальная, аграрная эпоха, сословное общество, в котором еще господствуют средневековые типы социальной связи и менталитета. Новое – потому что в этом обществе уже укоренены новые модели сознания и поведения, в нем происходят революционные изменения в технологиях (порох, книгопечатание, кораблестроение), развивается регулярное государство, ускоряются обмены, происходят демографические перестройки. Отсюда происходят такие “атрибуты” РНВ “транзитного общества”, как многоукладность, синтез тради-

Ким Олег Витальевич – кандидат исторических наук, доцент Кемеровского государственного университета.

¹ См., напр.: Нефёдов С.А. Война и общество: Факторный анализ исторического процесса. М., 2008.

² Тойнби А.Дж. Постигание истории. Избранное. М., 2001, с. 315–316, 319.

³ См., напр.: История Нового времени. 1600–1799 годы: учеб. пособие. Под ред. А.В. Чудинова, П. Ю. Уварова, Д. Ю. Бовыкина. 2-е изд. М., 2009.

ций и инноваций⁴. Этот “идеальный тип” надо встраивать в глобально-исторический контекст, объяснять региональные отличия, многолинейность развития. Нужна парадигма, переброшенная как мост между Средневековьем и Новым временем. В качестве примера подобной теории переходного общества можно привести *теорию торгового капитализма*, занимавшую историков, социологов и экономистов в первой трети XX в.

Интерес к сущностной динамике капитализма был вызван критической рецепцией идей К. Маркса и Ф. Энгельса о стадиях развития капитала. В сочинениях Ю. Борхардта, В. Зомбарта, А.А. Богданова была сформирована, а в дальнейших исследованиях И.М. Кулишера, И. Пригожина, В.Д. Преображенского, М.Н. Покровского и др. была представлена эволюционная схема развития, включавшая политэкономии Средневековья. Переход от натурального хозяйства к меновому вызвал эрозию “крепостничества”. Этот процесс был взаимообусловлен развитием городов, распространением кустарной промышленности и централизаторской политикой государства. С первой фазой “торгового капитализма” связывали формирование цехового строя, развитие рынков и рыночных отношений, рост классовых антагонизмов (например, конфликт мастеров и подмастерьев) и зарождение абсолютизма. Последующая фаза “мануфактурного капитализма” продолжалась до Французской революции. Общий период охватывал историю Европы примерно с XII–XIII вв. по 1789 г. А XIX в. в целом рассматривался как эпоха промышленного и финансового капитала. Это теоретическое направление было признано несостоятельным по теоретико-методологическим и политическим причинам на рубеже 20–30-х годов XX в. У модели переходной эпохи “торгового капитала” были следующие характеристики: 1) многоукладность на фоне господства феодальной организации общества; 2) генеральная линия развития капитализма от примитивных форм обмена в рамках натурального и поместного хозяйства к кустарному производству и мануфактуре; 3) союз интересов феодального государства и торгового капитала в виде абсолютистского государства; 4) выраженный акцент на растущей динамике социальных отношений и социальных антагонизмов.

Появившаяся во второй половине XX в. теория модернизации также имела определенные коннотации с идеями транзитного общества и переходной эпохи. В ее основе лежит представление о трансформации традиционного общества в индустриальное. Особую “западническую” интонацию этой теории придала интерпретация Т. Парсонсом взглядов М. Вебера в духе универсальности капитализма западного образца, необходимости принятия его самого и его социокультурных производных всеми странами мира⁵.

Теория модернизации не представляла единого фронта исследований, и мы можем говорить о нескольких серьезно отличавшихся ее редакциях. Признавая существование разветвленного “горизонтального” разделения концептуальных направлений, выделим три хронологических этапа, отразивших три существенно разных состояния этой теории (точнее групп теорий): 1) линейные, европоцентристские теории 1950–1960-х годов, которые сформировали саму парадигму; 2) последующий, в 1970–1980-е годы, этап критической ревизии теории, способствовавший ее историзации и социологизации; 3) осмысление теории модернизации и ее адаптация российскими исследователями в современный период.

Чтобы разобратся в сильных и слабых сторонах теории модернизации, в том, что она нам может дать для понимания природы процессов РНВ – нам необходимо коснуться происхождения теории модернизации. А затем рассмотреть процесс ее дальнейшей историзации и адаптации к актуальным задачам современной исторической науки и образования⁶.

⁴ Комплексное понимание РНВ как переходной эпохи см.: *Ким О.В.* Синтез традиции и инноваций в переходных обществах раннего Нового времени. – Полидисциплинарные технологии исследования модернизационных процессов. Томск, 2005, с. 262–284.

⁵ *Parsons T.* The Social System. Glencoe, 1964 (reprint from ed. 1951).

⁶ Фундаментальное исследование развития различных направлений теории модернизации выполнено И.В. Побережниковым. См.: *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: Теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.

Выступавший на конференции Г. Дерлугьян справедливо отметил, что между теорией модернизации и теорией научного коммунизма есть немало общего как у идеологических соперников. Ранние версии модернизации отличал тот же дух позитивизма, линейное, стадийное видение глобального, прогрессивного исторического развития, технологический и экономический детерминизм. Обе теории указывали путь окончательной конвергенции всех обществ в мире всеобщего блага, равенства социальных возможностей.

Концепция модернизации соединяла в единую парадигму весь комплекс представлений о трансформации традиционного, аграрного общества в капиталистическое, индустриальное. Развитие теории индустриального общества обычно относят к 40–60-м годам XX в. и связывают с именами П. Дракера, У. Ростоу, Р. Арона, Дж. Гэлбрэйта. Отметим важное обстоятельство – первым автором, противопоставившим “новую индустриальную систему” феодальному “Старому порядку” был философ и французский социалист-утопист Анри де Сен-Симон. Классовая структура нового общества (класс “индустриалов”, задействованный в непосредственном процессе производства и класс “стерильных”, обслуживающих функционирование системы) противопоставлялась сословной структуре дореволюционной Европы. В.П. Илюшечкин отмечал особый вклад Сен-Симона в развитие позитивистских, линейных представлений о прогрессивном чередовании стадий развития человеческого общества, основанных на специфических формах эксплуатации. Советский востоковед В.П. Илюшечкин также связывал с Сен-Симоном формирование эталонного подхода, в соответствии с которым образцом для изучения истории восточных обществ брались “чистые” модели европейской античности и средневековья⁷.

Этот процесс рассматривался как всеобщий и, по сути, неизбежный этап для всех развивающихся стран, стремившихся преодолеть отсталость и пережитки колониальной эпохи. Модернизация воспринималась как процесс системных изменений, с кумулятивным эффектом во всех сферах общественной жизни. Идеологема модернизации определялась установками, которые закладывали в нее первые разработчики – Т. Парсонс и Э. Шилс. Они верили в то, что традиционализм препятствует экономическим и социальным изменениям, а демократическое устройство способствует прогрессу, считали возможным однолинейное, в том числе направляемое извне развитие стран “третьего мира”⁸.

Особый вклад в формирование представлений об этапах и траекториях модернизации внесли исследования У. Ростоу и Р. Арона. Книга “Стадии экономического роста” стала прорывом в формировании переходной парадигмы. У. Ростоу указал на существование особой промежуточной стадии между эпохами традиционности и стадией *сдвига* (так называемое “take-off”). Согласно пятиэтапной схеме стадий экономического роста, аграрное, сословное общество, с “доньютоновским” уровнем техники и технологий сменяется обществом “*переходным*” (“the precondition for take-off”). В нем происходит формирование предпосылок *сдвига*. Оно характеризуется интенсификацией обменов, ростом капиталовооруженности производства, появлением новых типов и моделей социального поведения, особенно рационального предпринимательства. В переходном обществе происходит рост национализма (абсолютистские тенденции), на пике этой фазы возникает централизованное государство. На стадии *сдвига* начинается промышленная революция, индустриализация. В этот период классовая структура общества окончательно сменяет сословную. Экономический рост с разной скоростью проникновения и воздействия изменяет все сферы общественной жизни, другой стано-

⁷ См.: Сен-Симон А. Новое христианство. – Собр. соч. М. – Л., 1923; Илюшечкин В.П. Общее и особенное в развитии добуржуазных классовых обществ. – Социальная и социально-экономическая история Китая. М., 1979, с. 12–20.

⁸ См.: Theories of Society, Foundation of Modern Sociological Theory. New York, 1961; Shils E. The Intellectual between Tradition and Modernity: The Indian Situation. Mouton, Hague, 1961.

вится система общественных связей, разделение труда, резко повышается роль капитала, возникают новые отрасли и т.п.⁹

Французский социолог Р. Арон сформулировал положение о том, что результатом модернизации вовсе не обязательно может стать появление общества и государства западного, буржуазного типа, указал на инвариантность путей к индустриализму, на разнообразии самого индустриализма¹⁰. Он считал возможным сопоставлять капитализм и социализм в рамках идеального типа единого индустриального общества¹¹. Проекция идей Р. Арона на Новую историю приводила исследователей к мысли о том, что и сама “модерность” в рамках типологически однородной стадии развития производства может существенно различаться в региональных версиях – по степени государственного принуждения и по распространённости принудительных стратегий вообще, по развитию рынка и внеэкономической редистрибуции, по соотношению горизонтальных и вертикальных связей в обществе, по уровню приватизации, по фрагментарности самого развития и т.д.

И.В. Побережников справедливо отметил, что в первых линейных моделях модернизации она рассматривалась как *революционный процесс*, связанный с радикальными и всеобъемлющими трансформациями моделей человеческого существования и деятельности. Повсеместное давление модернизации на разных “этажах” общественного здания вызывает изменения практически во всех областях человеческой мысли и поведения. Оно порождает “процессы структурно-функциональной дифференциации, индустриализации, урбанизации, коммерциализации, социальной мобилизации, секуляризации, национальной идентификации, распространения средств массовой информации, грамотности и образования, становления современных политических институтов, рост политического участия”¹².

К 60-м годам XX в. различные аналитические течения и теоретические традиции, описывающие модернизацию, объединились в единую междисциплинарную компаративную перспективу. Общее понимание модернизации (У. Ростоу, С. Леви, Ш. Айзенштадт, Т. Парсонс, Н. Смелзер, Р. Бендикс, Д. Эптер, С. Блэк и др.) сводилось к попыткам общества и государства дать ответы на вызовы эпохи путем инноваций и реформ. При этом авторы первых концепций по-разному определяли ведущие факторы. Ими могли быть факторы экономические, технологические, социально-политические. Неравномерно оценивался масштаб процесса. Системный характер модернизации выражается в том, что инновации, привнесенные ею, встраиваются в социальную систему, вызывают цепочку трансформаций и взаимных адаптаций старых и новых общественных институтов. Эти изменения происходят с революционной быстротой, хотя скорость их протекания в разных сферах и сегментах общества неодинакова. В более поздних версиях теории обращалось особое внимание на то, что реакция традиционного общества на новые идеи, технологии и институты может быть парадоксальной и неадекватной. Но линейные трактовки модернизации в духе У. Ростоу, А. Органского, Д. Лернера, М. Леви, Н. Смелзера, С. Блэка сходились на эндогенном, глобальном, осевом характере этого процесса¹³.

⁹ Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960, p. 6–8; *idem*. Politics and the Stages of Growth. Cambridge, 1971, p. 21.

¹⁰ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.

¹¹ Aron R. Eighteen Lectures on Industrial Society. London, 1967, p. 21–23.

¹² Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы. – Экономическая история, вып. 8. М., 2002, с. 150.

¹³ Там же, с. 149. См. также: Rostow W.W. The Stages of Economic Growth; *idem*. Politics and the Stages of Growth; Levy M.J. Modernization and the Structure of Societies. Princeton, 1966; Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. New York, 1975; Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. New York, London, 1965; Eisenstadt S.N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966; Huntington S.P. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics. – Comparative Modernization: A Reader. New York, London, 1976, p. 30–31.

Один из создателей теории модернизации, С. Блэк, предложил общую схему протекания изменений. Модернизация в интеллектуальной жизни приводит к научной революции, а в политической – к централизации и укреплению прямой связи государства и общества. Технологические инновации ведут к резкому ускорению промышленного роста, к развитию специализации и обменов. В социальной сфере изменения приводят к урбанизации, к развитию средних слоев населения, к эмансипации, росту грамотности, демографическим изменениям и т.д. В заслугу С. Блэку следует поставить актуальную идентификацию четырех фаз модернизации: 1) “вызов модернизации”; 2) консолидация модернизаторской элиты; 3) экономическая и социальная трансформация; 4) интеграция общества¹⁴.

Однолинейное понимание модернизации неизбежно вызвало мощную тенденцию к европоцентризму. “Вестернизация” стала рассматриваться как наиболее чистая, логичная и эффективная модель этого исторического процесса. Один из теоретиков “вестернизации”, американский советолог Т. фон Лауэ писал, что техническое, военное и экономическое превосходство Европы над остальными регионами мира уходит корнями в английскую индустриальную и французскую социальную революции XVIII в. Это доминирование стало довлеющим фактором, вызвавшим эффект *догоняющего развития* в странах Востока. Заимствование западного оружия, технологий, элементов организации производства разрушало целостность традиционного общества, привнося в него элементы социальной, материальной и духовной культуры европейцев, т.е. приводило к “вестернизации”¹⁵. Отсюда происходили теории догоняющего развития, диффузионизма, в том числе идея так называемых “эшелонов модернизации”.

Критика однолинейных концепций вестернизации развернулась в 1970-х годах на фоне нетипичных, не описанных теорией трансформаций, в которые вошли многие страны “третьего мира”. Эта критика развивалась как извне, например, со стороны веберянцев, которые попытались восстановить первоначального М. Вебера с его критическим взглядом на современность, элиты, бюрократию, структуру господства, так и со стороны самих сторонников теории. Ш. Айзенштадт говорил о существенном институциональном разнообразии современных и модернизирующихся обществ, поставив вопрос о важности сохранения национальных социокультурных традиций. М. Леви критиковал “догоняющее развитие”, считая зависимость от Запада фактором консервации отсталости. С. Хантингтон скептически оценивал саму возможность привнесения западного опыта к “телу” традиционных обществ. Острой критике теория модернизации подверглась со стороны исследователей Африки и Латинской Америки (И. Валлерстайн, А.Г. Франк, М. Каплан и др.), среди которых в 1970-е годы всё больший авторитет набирала мир-системная парадигма¹⁶.

Следствием этой критики стала серьезная ревизия модернизационной теории. Модернизация теперь виделась многолинейной, обратимой и собственно тогда начинают развиваться представления о частичной “парциальной” модернизации, т.е. как о длительном процессе перехода и трансформации¹⁷. Новая версия модернизации больше подходила для описания исторических процессов, развернувшихся в раннее Новое время – как в Европе, так и за ее пределами. Частичная, *фрагментированная модернизация* могла проходить без индустриализации и затрагивать лишь некоторые сферы. Политика небольшой модернизаторской элиты в духе “самоусиления” приводит к “устойчивому фрагментарному развитию” общества. Как писал автор концепции, Д. Рюшмейер, “модернизированные и традиционные элементы в социальных структурах, нормах, мировоззрении – могли образовывать временные синтезные формы, которые

¹⁴ Black C.E. Op. cit., p. 9–25, 67–68.

¹⁵ Laue Th. von. The World Revolution of Westernization. The Twentieth century in Global Perspective. New York, 1987, p. 37.

¹⁶ Бокарёв Ю.П. Теории модернизации и экономическое развитие. – Вестник РГГУ, 2009, № 3, с. 17–20.

¹⁷ Побережников И.В. Модернизация, с. 153.

в силу обстоятельств могли закрепиться как нормы и существовать в течение нескольких поколений”¹⁸. Ш. Айзенштадт ввел понятие *посттрадиционализма* для переходных обществ, считая, что в ходе успешной модернизации традиция не разрушается, а реконструируется, является фактором развития¹⁹. Сами же традиционные институты могут адаптироваться к исполнению модернистских функций²⁰.

В описанных моделях “политика самоусиления” нередко являлась прямым следствием военного противостояния между модернизированным, экспансионистским сообществом и его соседями, в разной мере осознающими свое военно-техническое и, как следствие, цивилизационное отставание. Стремление модернизаторских элит создать адекватные угрозам военные инфраструктуры приводило их к реформам в государственной фискальной и социальной политике и к бюрократизации и перестройке самих элит – этот вариант нередко применялся для описания истории России, Османской империи, других восточных обществ²¹. Отрицательными последствиями такого фрагментарного развития оказывалось резкое возрастание насилия внутри системы, глубокий социальный раскол и своеобразный эффект “застревания” на этапах частичной модернизации. В новых условиях процесс характеризовался как *эволюционный*, регионально специфичный, фрагментарный, обратимый и многолинейный. Тенденция к социологизации теории выразилась в признании высокой роли социальных акторов (коллективов, индивидов, элит), в интересе к субъективным мотивациям, формам адаптации, стратегиям выживания. Как отмечал И.В. Побережников, многолинейные модели модернизации отличаются “отказом от жесткого детерминизма любого толка (экономического, культурного, политического, когнитивного и т.д.), акцент на комплиментарный, взаимодополняющий характер взаимосвязей между различными социальными факторами и системами”²². К 90-м годам наметились тенденции сближения теории с психоисторией и мир-системным анализом, что, с одной стороны, свидетельствовало о ее пластичности, а с другой – о размывании фундаментальных посылок теоретического ядра.

Особенность нашей ситуации заключается в том, что обращение отечественных историков к теории модернизации произошло достаточно поздно. К 1990-м годам в исторической науке, в период “историографической революции”, уже сложилось преимущественно критическое отношение к ней²³. Несмотря на это, отечественных историков привлекали возможности, предоставленные теориями модернизации, ее западное происхождение и органичная пластичность ко многим зарубежным школам. Из трех основ-

¹⁸ Rueschmeyer D. Partial modernization. – Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons. New York, 1976, v. 2, p. 756–772; Цит. по: Побережников И.В. Модернизация, с. 153.

¹⁹ Раков В.М. “Европейское чудо” (рождение новой Европы в XVI–XVIII вв.): учеб. пособие. Пермь, 1999, с. 21.

²⁰ Примеры такого рода хорошо описаны у П. Шоню. Это может быть применение сеньориальной администрации в абсолютистском государстве, использование цеховой системы в меркантилистских и фискальных целях, развитие начального образования на базе церкви и т.д. См.: Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005, с. 36–38, 143–145 и др.

²¹ См.: Ким О.В. К вопросу о ранней модернизации в Европе и России (мир-системная парадигма). – Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени, вып. 70 (1–2). М., 2009, с. 145.

²² Побережников И.В. Модернизация, с. 157–158.

²³ Б.Г. Могильницкий предлагает следующую условную периодизацию этапов историографической революции: 1) 1960–1970-е годы – объективистский (сциентистский); 2) 1980 – начало 1990-х годов – субъективистский (постмодернистский); 3) 1990–2000-е годы – синтезирующий. См. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века, вып. III. Томск, 2008, с. 20. В этом смысле теория модернизации проигрывала в компартивистике – с одной стороны, под мощным давлением “антропологического поворота”, интереса к микроистории, истории повседневности и “новой научной истории”, а с другой – перед макроисторической альтернативой мир-системного подхода Ф. Броделя и И. Валлерстайна, появившейся в 1970-х годах.

ных макроисторических парадигм – формационной, цивилизационной и модернизационной – последняя представлялась наиболее перспективной. Марксизм в 1990-е годы понес серьезный моральный урон, а теории цивилизаций не хватало средств для объяснения механизмов развития. В рамках же теории модернизации удалось увязать эти парадигмы в изучении Нового времени (цивилизации дают горизонтальный срез, формации вертикальную иерархию, а теория модернизации позволяет описать структурную динамику), она смогла стать основой для построения многофакторных макроисторических моделей.

Лейтмотивом российских концепций модернизации является идея о том, что этот процесс очень хрупкий, чреватый катастрофой для неустойчивого общества. При этом историки стремятся вписать русскую новую историю в европейский и глобальный контекст. Первый момент, акцентированный в отечественных версиях теории, – положение о модернизации эндогенной, экзогенной и догоняющей. Второй – фиксация внимания на существовании своеобразных эшелонов модернизации, когда периферии вынуждены адаптироваться к энергичной флуктуации модернизирующегося центра. Третий – констатация нелинейности и обратимости самого процесса, возможность модернизационного слома, приводящего к политической и социокультурной катастрофе. Четвертый – существование особых типов “модерности”, достаточно далеких от западноевропейских образцов, но всё же не противоречащих общей. Рассмотрим ряд примеров.

Так, в учебном пособии М.В. Пономарёва и С.Ю. Смирновой модернизация определяется как собирательный термин, характеризующий различные аспекты перехода от традиционного общества к индустриальному, а также поступательную форму эволюционного развития самого индустриального общества. Среди форм модернизации авторы отличают “*органическую*” (ставшую результатом эволюционного развития общества, и сбалансированных изменений во всех сферах общественного сознания и бытия, модернизации “снизу”) и “*неорганическую модернизацию*”, основанную на модели догоняющего развития, осуществляемой главным образом “сверху”²⁴. Последняя носит искусственный характер и не приводит к формированию целостной общественной модели. В учебном пособии также говорится о разновидностях первичной модернизации (проходящей в странах “старого капитализма” в период от Реформации до промышленной революции) и неорганической вторичной модернизации, ставшей ответом на внешние вызовы в странах “молодого капитализма” в XIX–XX вв. Характерно, что авторы пособия выделили период РНВ в отдельную часть и книгу²⁵.

В.М. Раков в учебном пособии “Европейское чудо” (рождение новой Европы в XVI–XVIII вв.)” придерживается вполне классических представлений об эшелонах модернизации, но его понимание сути и глубины процесса шире. В этой книге дается аналитическая модель *Перехода*. Автор, рассматривая Европу XVI–XVIII вв., выделяет лидирующий центр, полупериферию и периферию, три подсистемы: 1) Англия, Соединенные провинции, Франция, Испания, 2) Германия, Италия; 3) Восточная Европа. На первом этапе Перехода модернизирующееся общество вступает в неустойчивое, неравновесное состояние, при котором повышается исторический риск срыва. На втором в обществе внедряются универсальные принципы и силы (государство, рынок, формализованное право), собирающие локальные фрагменты традиционного социума в “большое общество”. На третьем наступает стабилизация социокультурной жизни и дифференциация “большого общества”, обладающего теперь иной, отличной от традиционного, структурой. По мнению В.М. Ракова, завершенной и успешной была модернизация только первой подсистемы; обществам второй подсистемы помешала главным образом нерешенность внешнеполитических проблем, а в третьей, периферийной подсистеме адаптация пошла по пути рефеодализации²⁶.

²⁴ Пономарёв М.В., Смирнова С.Ю. Новая и новейшая история стран Европы и Америки: практическое пособие, ч. 2. М., 2000, с. 32–33.

²⁵ Там же, ч. 1, с. 48–58.

²⁶ Раков В.М. “Европейское чудо”.

В исследованиях И.Ю. Николаевой отразилось стремление связать комплекс знаний о средневековых обществах, полученный в рамках культурной и исторической антропологии, с концепциями перехода в РНВ. Она предлагает процедуру системного анализа гендерных и социокультурных казусов, направленную на верификацию в макроисторической модернизационной парадигме. Подходы И.Ю. Николаевой вполне можно отнести к *акторным моделям модернизации*, так как в фокусе ее метода – конкретные акторы, индивиды и социальные группы, совершающие как рациональные, так и бессознательно сформированный выбор линий поведения. Она реализует установку на то, что историческим полем перехода, со всеми его кризисами, рисками и конфликтами цивилизации и архаики выступает индивидуальное сознание человека²⁷. Выдвигая гипотезу “срыва” первой русской модернизации во второй половине XVI в. и изучая последующий за этим период опричнины, И.Ю. Николаева описывает эффект реактуализации архаических установок сознания и поведения во всех сферах общественной жизни. Это привело к деформации накопленного “цивилизованного” опыта духовной и политической культуры²⁸. Объектом психоисторического анализа стал Иван IV, сочетавший в своем ментальном и психологическом типе как элементы “фрагментарного развития”, так и базовые архаические установки, связанные с архетипами власти, гендерной идентичностью, фрустрациями, страхами и т.п.²⁹ Таким образом, в данном случае мы видим использование теории модернизации в очень широком полидисциплинарном контексте.

Пластичность переходной парадигмы позволяет применять ее при написании глобальной истории. Так, в международном проекте “История человечества” мир-системный подход и теория культурного диффузионизма дополнялись структурно-функционалистскими элементами в духе теории модернизации³⁰. В основе метода лежит поиск *точек бифуркации*, так называемых “разрывов традиционности”, – событий, явлений, процессов, которые изменяют характер движения всей системы. Эволюционное, или привнесенное извне изменение одного или нескольких параметров в жизни цивилизации приводит к потере устойчивости системы, к кризису, но впоследствии – к новому устойчивому равновесию³¹. И поэтому европейский капитализм и экспансия, развернувшиеся в XVI–XVIII вв., безусловно, обладают всемирно-историческим значением и так или иначе определяют характер общей проблематики и периодизации³².

Безусловно, теория модернизации не может стать единственным средством объяснения социокультурных и социоисторических процессов, происходивших в Европе и мире в XVI–XVIII вв. А концепция “Перехода” не охватывает многие аспекты культуры и социальности эпохи Старого порядка. Она не содержит универсальных объяснений. Тем более что отойдя от жесткого структурного функционализма, экономического детерминизма и идеи вестернизации, модернизационная парадигма утратила существенную часть смыслового ядра. Она приблизилась к ряду многофакторных моделей исторического развития, в значительной степени встраиваясь в них. Но до тех пор, пока историки и социологи используют модели традиционного и индустриального обществ, будет существовать необходимость в теоретическом, комплексном объяснении трансформации одного в другое.

²⁷ Могильницкий Б.Г. Указ. соч., с. 418.

²⁸ Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005, с. 143–145.

²⁹ Там же, с. 281.

³⁰ В проекте участвовали историки А.Н. Сахаров, Е.Б. Черняк, С.Л. Тихвинский, Э.А. Манушин и др.

³¹ История человечества. М., 2004, т. IV, с. 4–6.

³² Ким О.В. Русское Новое время в контексте глобальной истории. – Темпоральность исторического пространства. М., 2009, с. 42–43.